

УДК 811.511.13

*А.С. Лобанова***ЯЩЕРИЦА (ДЖОДЗЫВ) В КУЛЬТУРЕ И В ЯЗЫКЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹**

Статья посвящена вопросам коми-пермяцкой лингвокультурологии. В ней анализируются этноконнотации, возникающие в миропонимании коми-пермяков, связанные с зоонимом *джодзыв* 'ящерица'. Опираясь на функционально-семантический метод исследования, автор выявляет основные стереотипы, связанные с ящерицей. Наиболее частотным и интересным является стереотип опасности.

Предметом анализа являются народные приметы и суеверия, устойчивые сравнения и фразеологизмы, в которых фигурирует названное пресмыкающееся.

В статье описаны способы презентации культурологической информации, способствующие возникновению отрицательного образа ящерицы – чаще всего они связаны с мифологическими представлениями народа и верованиями.

Лингвистические материалы, связанные с лексемой *джодзыв* 'ящерица', позволили выделить несколько мотивированных коннотаций: колдовство, моральные качества субъекта и опасное место. Устойчивые сравнения и фразеологизмы с данным компонентом транслируют символы самоуверенности и неуязвимости. В работе продемонстрировано, что в сознании коми-пермяков *джодзыв* 'ящерица' ассоциируется с женским началом.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, культурная коннотация, зооним, мотивированность, этнический стереотип.

Номинативные единицы коми-пермяцкого языка, обладающие культурной коннотацией, до настоящего времени не являлись объектом комплексного изучения. Ряд наших статей, тематика которых связана с особенностями употребления коми-пермяками отдельных этнонимов (2014), наименований одежды и обуви (2015), орнитонимов (2016) и др., демонстрирует наличие интересных этнических особенностей, связанных с конкретной лексико-тематической группой слов или конкретным лексическим знаком. На наш взгляд, это очень важный и интересный вид анализа, поскольку в нем отражается мировидение этноса, его веками сформированные ценностные характеристики, предпочтения и различного рода запреты.

Названия животных, как и многие другие лексико-тематические группы слов коми-пермяцкого языка, до настоящего времени не подвергались специальному анализу, несмотря на то, что являются одним из важнейших компонентов основного словарного фонда языка.

В предложенном исследовании предпринята попытка показать зависимость семиотического статуса необычного пресмыкающегося – ящерицы (*джодзыв*) от его признаков и свойств (причем как объективных, так и ему приписываемых). Исходя из этого, в рамках статьи решались несколько задач. В первую очередь следовало определить роль и место ящерицы в коми-пермяцкой народной культуре, в частности, в этнической мифологии и на акциональном уровне – в различных обрядах и в народной магии. Важно было продемонстрировать, как внешние признаки, а также физиологические и иные качественные составляющие интересующего нас объекта, стали причиной возникновения мотивированной коннотации наименования. Следовало показать, как наименование пресмыкающегося отражается в устойчивых сравнениях и фразеологизмах. По мере возможности, выделить и описать релевантные признаки (различительные) и их сочетания, определяющие культурную семантику и функцию анализируемой лексики.

В качестве предмета анализа обозначим народные приметы и суеверия, сравнения и фразеологизмы, в которых, так или иначе, фигурирует данный субъект. Основным методом исследования является функционально-семантический.

Отметим, что символ ящерицы присутствует в мифологии многих народов мира. Она олицетворяет мудрость, бессмертие, воскрешение из мертвых, плодовитость, живучесть, символ проворности, ловкости и др. [11]. В близкородственной коми(зырянской) мифологии ящерица признана существом нечистым, а «в фольклоре она противопоставляется солнцу, является сторожихой кладов, спо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 17-14-59001 «а(р)» «Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой культуры».

собна понимать язык птиц и зверей. ...Исключительное место в традиционном мировоззрении занимают представления о шеве – духе в виде ящерицы, мышонка, бабочки, червячка, личинки, волоса, комочка шерсти, проникающем в человека и вызывающем различные патологические состояния [11].

Из числа пресмыкающихся в ареале распространения коми-пермяцкого языка встречаются ящерицы и на севере Коми-Пермяцкого округа змеи – ужи и гадюки. Наиболее коннотативна в этой подгруппе лексема *дзӱдзыв* (сев. диал. *чодзыл*) «ящерица». Авторы Краткого этимологического словаря коми языка В. Лыткин и Е. Гуляев (1970), проведя параллели с самодийскими языками, происхождение данной лексемы возводят к самому древнему периоду – прауральскому языку-основе [8. С. 91]. В названном источнике в словарной статье, посвященной ящерице (к. *дзодзув*), приводится, на наш взгляд, очень интересная информация: «... манс. *sossel* ‘мифологическое существо, похожее на ящерицу’ | хант. *sosäl* ‘ящерица’ ...» [8. С. 91]. Ящерица и мифологическое существо, названные одним способом, довольно символичны и относительно коми-пермяцкой традиционной культуры. Об этой параллели будет сказано ниже.

Образ ящерицы широко представлен в пермском зверином стиле – в скульптурных изображениях, выполненных из металла, представляющих собой сложные зооморфные и зооантропоморфные образы. «В верхней части изображения обычно помещены птицы и млекопитающие – представители верхнего мира, а в нижней части – различные существа, обитающие под землей и в воде (змеи, рыбы, ящерицы и т. д.)» [3. С. 14-15]. Эти образы составляют содержание и художественную специфику сохранившегося искусства. Появившись в ананьинскую эпоху, искусство пермского звериного стиля развивалось на протяжении всего I тыс. н. э., вплоть до XII–XV вв. н. э. [3. С. 8]. Ученые считают это явление местным и объясняют мифологией и верованиями многих современных народов Приуралья [3. С. 9].

Ящерица встречается и в коми-пермяцких легендах о происхождении Земли. Приведем цитату из известного сборника В. Климова Олан вужез/Корни бытия: «Еще до появления на Земле известных животных жили малорослые человечки – чуды или чудляне. Они занимались земледелием, выращивали злаки. А серпа для жатвы у них не было. Ен (Бог. – А.Л.) заметил это и подбросил серп. Он случайно перерезал шею одного чудлянина. Другие испугались и скрылись кто куда: одни залезли в воду – стали водяными кулями; другие укрылись в чаще леса – стали лесными кулями; третьи заползли под колоды – стали ящерицами и другими ползучими гадами» [5. С. 177]. Не отсюда ли идет отрицательная коннотация, связанная с этим пресмыкающимся? Заметим, что в коми-пермяцкой традиционной педагогике принято придерживаться такого аспекта, как бережное отношение ко всему живому, к природе вообще. В лесу нельзя без причины даже ветку сломать, нельзя убить бабочку (Божья тварь, и так мало живет), нельзя раздавить лягушку (Корова перестанет молоко давать, так как ее будет лягушка доить), жабу убьешь – прыщами покроешься и т.д. Даже клопов и тараканов «выводили» из дома с «напутствиями» о том, как скучна будет жизнь в доме без них. И только по поводу ящерицы нами не зафиксировано запретных действий. Наоборот, даже художественные тексты демонстрируют семантику того, что это животное обычно принято обижать. Например:

– *Быдті ас юрӱ вылӱ!.. Айыт сьӱлӱм вылӱ тальччин, прости господи! – рыг-рыг серӱмтчис айыс, одзлань пиннесӱ мыччаліс.*

– *Тэ, ая, абу дзӱдзыв, и ме некин юр вылӱ эшӱ эг тальччыв... – ответсӱ видзис зоньс.* ‘Воспитал на свою голову!.. На сердце отца наступил, прости господи!’ – громко рассмеялся отец, показав свои зубы. «Ты, отец, не ящерица, и я ни на чью голову еще не наступал» – ответил сын’ (С. Федосеев).

Похоже, что подобное отношение к ящерице сформировалось и в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа, где традиционно проживают русские (рядом с коми-пермяками. – А.Л.): «Ящерица-вещунья, если на человека заберется, он заболевает. На которое место у человека полезет ящерка, это место и заболит. В каком-то году я сидела с девочкой дома. Тут ящерица домой как-то попала, а скоро девочка и умерла. Я ее не убила, вот и плохо» [1. С. 284].

Чем и почему это безобидное существо могло так «обидеть» коми-пермяка? Какие его внешние признаки и физиологические способности послужили возникновению ярких метафорических выражений?

Кратко остановимся на вариативности наименования ящерицы в коми-пермяцком языке. Общеупотребительным и литературным вариантом является лексема *дзӱдзыв*. О его этимологии было упомянуто выше. В северных диалектах употребляется фонетический вариант *чодзыл*. Сравнивая общеупотребительный (литературный) вариант с ареальным, следует отметить, что в них совершенно ожидаемо чередование звуков [в] и [л]: согласно литературной нормы и звуковых особенностей юж-

ных вэовых диалектов, в конце слова употребляется звук [в], а северные диалекты, так называемые зловые диалекты, в этой позиции видят только [л]. Следы древнего закрытого [о] реализуются также закономерным употреблением то [о], то [ö] в разных диалектах коми-пермяцкого языка.

В коми-пермяцком орфографическом словаре (1992) приводятся еще два варианта для обозначения этого пресмыкающегося: *пежгаг* (досл. ‘поганый, нечистый червь’) и *сисьгаг* (где *сись* ‘гнилой, трухлявый’, *гаг* ‘червь’) [7. С. 255]. К сожалению, в других письменных источниках эти лексемы не зафиксированы. Однако приведенные наименования не вызывают никаких сомнений, тем более, что коми-зыряне ящерицу тоже называют и *дзодзув*, и *пежгаг* [6. С. 193]. Лексический вариант *сисьгаг* также мог возникнуть в языке, поскольку животное любит гнилые места, а дословный перевод лексемы означает ‘червь, живущий в гнили, трухе’. Получается, что и данная номинация вполне ожидаема. Очевидно, что в диахронии названные выше лексические (и фонетические) варианты в языке коми-пермяков могут выстроиться в следующей очередности: *чодзыл* – *дзодзыв* – *пежгаг* – *сисьгаг*. Заметим, что высокую лексическую вариативность обычно имеют наименования флоры. Наименования животных не выделяются такой особенностью. Лингвистический материал демонстрирует, что зоонимы по сравнению с фитонимами в большей степени мотивированы, но они практически не имеют лексических вариантов наименований. Из этой закономерности выделяется интересное нас животное-пресмыкающееся ящерица, имеющая в коми-пермяцком языке как минимум три лексических варианта своего наименования. Надо полагать, что этому есть причины, и они связаны с высокой значимостью ящерицы в традиционной культуре коми-пермяков.

Попытаемся составить ее культурологический и ономазиологический «портрет».

В народной культуре *дзодзыв* ‘ящерица’ выделяется довольно сильной негативной коннотацией. **Приметы**, связанные с ящерицей, никак не могут быть позитивными. Вот какой контекст, связанный с данным пресмыкающимся, приведен в повести В. Климова «Ме ыджыт ни, мама» (Я уже большая, мама): *Мотра баитö, что кушборд да дзодзыв оз лысьтö пырны деревнязö, кытöн эм вичку али часовня. А Овдя таво тулыснас адззылис дзодзывсö Амон оградаись, и Ерош висьталис, что эта умöль одзын. ‘Мотра говорит, что летучая мышь и ящерица не смеют появляться в деревне, где есть церковь или часовня. А Овдя этой весной видела ящерицу в ограде Амона. Ерош тогда сказал, что это не к добру’* (В. Климов).

Хуже всего, если ящерица попала на человека (например, на покосе при стоговании сена): это верный предвестник несчастья в семье, тяжелой болезни или даже смерти. Насколько важна и значима эта примета в традиционной культуре коми-пермяков, демонстрируют и художественные тексты. Например: *Зород выльис вdrug Андрейислö пельпон вылас чеччöвтис дзодзыв, эз усь му вылас эд, а кышасис пельпоныс бердö.*

– *Сотанаыс эд вöлись!* – *айыслöн чужöмыс чочкоммис, шупкис кисис курансö, öшис дзодзылыс одзын. – Сотанаыс, зон... Бöра синва кöсийö, добросö эн видзчись! (Дзодзывсö лыддьöны кызд сотанайс, каяс кö тэ вылö, бурсö нем видзчисьны: синва лоас...)*

‘Со стога сена на плечо Андрея вdrug запрыгнула ящерица, и не упала ведь на землю, а зацепилась за плечо.

– Вот ведь сатана! – у отца лицо побелело, он скинул грабли, растерялся перед ящерицей. – Сатана, сын ... Опять ведь слезы обещает, добра не жди! (Ящерицу считают за сатану, если попадет на тебя, хорошего не жди: слезы будут)’ (С. Федосеев).

Получается, что коми-пермяк, остерегаясь встреч с ящерицей во время сельскохозяйственных работ, успокаивал себя тем, что в населенный пункт, где есть церковь, это ненавистное животное не смеет прийти. *Менö учöтсянь бережитисö... кöиннэзсянь, кулöммезсянь, дзодзывезсянь...* ‘Меня с детства оберегали... от волков, умерших, ящериц ...’ (В. Климов).

Почему и чем она способна навлечь большие несчастья? Согласно традиционным поверьям, ящерица является обязательным атрибутом колдунов. Вот что пишет по этому поводу известный знаток традиционной культуры В. Климов: *Тöдись тöдчö быдкодь чудкöt, дявкöt, сия адзö туруннэзлись, гаггезлись, дзодзывезлись тайнöй, колдовскöй вын, тöдö кöрткывез (заговорез), кöдна отсöтöн бытьтö пö вермö тупкавны рана да сувтöтны котöртан вир, кужö тиöктыны мортöс кытсасьны петух моз.* ‘Колдун водит знакомства с нечистой силой, дьяволом. Он находит тайную, колдовскую силу в травах, червях, ящерицах. Знает заговоры, с помощью которых, говорят, может залечить рану и остановить кровотечение, может заставить человека кукарекать по-петушиному’ [5. С. 115]. Нельзя оставить без внимания еще одно его высказывание. *Öння коми-пермяккöй тöдись абу ыджыт вына да*

авторитета и частожык *тӧдӧ роч кӧрткыв*, но «отсалӧны» *сылӧ* только *комилӧ тӧдса черӧшлан*, *кульчунь*, *сьӧдгыж* (*частожык – ош гыж*), «*вына туруннэз*» и *нельки шой чунь*. ... *Лекарствоӧн лӧбны: нянь, сов, ва, лы, чераньвез, кум годӧн косьмӧм кольть, гаг ви, дзӧдзыв пизь да берсяторыс. Эмӧсь заговорӧннӧй йиэз, кушаккез, чышкӧттэз, йӧрнӧс-вешьян, кӧднӧ «суд оз босьт»*. 'Современный коми-пермяцкий колдун не имеет большой силы и авторитета, чаще знает русские заговоры, но «помогают» ему только коми-пермяку известные черӧшлан (название национального обряда. – А.Л.), камыш (досл. «палец нечистого». – А.Л.), чӧрный коготь (чаще – коготь медведя), «сильные травы» и даже палец мертвяка. ... Лекарством считается хлеб, соль, вода, кость, паутина, трехлетнее высохшее яйцо, масло червей, мука ящерицы и всякая всячина. Есть заговорӧнные пояса, кушаки, полотенца, одежда, которую «суд не берет»' [5. С. 116].

Каждый коми-пермяк верит, что именно ящерица является тем материалом, который используют знахари в своем ремесле. *Чодзылсӧ* (лит. *дзӧдзывсӧ*) *косьтасӧ, пизь керасӧ. Тӧдиссезыс. Кинлӧ колӧ удасӧ. И мортыс пондӧ косьмыны, кыдзи чодзылыс и кулӧ 'Ящерицу высушат, муку сделают. Знающие. Кому надо – подадут (выпить, съесть). И человек начинает сохнуть, как ящерица, и умирает'*. (Зап. в 2017 г. от Ратеговой Л.П. 1950 г.р., Кочевский район). *Дзӧдзывсӧ косьтасӧ, изасӧ и дзӧдзыв пизьсӧ пуктӧны ырӧшӧ, но, кытшӧм-ненабудь юанӧ. Мортыс юас – вот и икота 'Ящерицу высушат, перемелют и эту муку кладут в квас, ну, или в иное питье. Человек выпьет – вот и икота'*. (Зап. в 2001 г. от Лесникова С.И. 1930 г.р.).

Икота, как психосоматическое состояние человека, много раз описывалась в научной литературе. Согласно народной версии, икота – сущность, которая якобы поселяется в человека и время от времени проявляет свое присутствие разными формами: мимикой, жестами, чаще – умением говорить, издавать звуки, кричать (на вдохе). Заметим, что «большинство рептилий не имеют настоящего голосового аппарата и могут издавать лишь самые примитивные звуки вроде шипения или свиста» [11].

По этому поводу Г. Мальцев в монографии «Народная медицина коми-пермяков XIX – начала XX века» писал: «У коми-пермяков существует поверье, что этих злых духов (шеву) выращивают особенные коми-пермяцкие колдуны-икотницы, которые «изготавливают» их (шев) из пауков (черанез), мух (гуттэз), лягушек (лягушаэз) и высушенных ящериц (косьтӧм дзӧдзывез) и других. Считается, что икотницы этих «духов» держат в подполе в особой глиняной корчаге или лыковом туеске, кормят пресным квасом и брагой. Икоты, по мнению коми-пермяков, раздаются двумя способами: через питье и посылаются по ветру для определенного человека. Могут подать икоту с пенным квасом или пивом, чтобы нельзя было его заметить. Если же отправят икоту по ветру на определенного человека, то она может дойти до жертвы, считалось, в том случае, когда коми-пермяк или коми-пермячка начинают свою дневную работу не с добрыми намерениями, а с руганью» [10. С. 63].

Немногом ранее интересные сведения, связанные с ящерицей, были приведены в диссертации коми исследовательницы И. Ильиной. Приведем небольшую цитату из ее автореферата: «В связи с выяснением народных взглядов на причины заболеваний интерес вызывают сведения об особом отношении коми к ящерице. Уже в названии *пезж гаг* 'поганое насекомое' – заключена негативная оценка ящерицы как существа нечистого, а в медицинской практике ящерица считалась существом, способным вызывать глазные и кожные заболевания. Эти представления становятся объяснимы, если сопоставить их с верованиями эстонцев, согласно которым некоторые глазные и кожные заболевания вызываются духами, живущими под землей и носящими название «подземные». Такие поверья, зафиксированные у прибалтийско-финских народов, по мнению исследователей, имеют очень древнее происхождение. Вероятно, аналогичные представления существовали в прошлом и у коми, и традиционное отношение к ящерице связано с тем, что она, как представительница хтонического мира, являлась зооморфным воплощением духов, вызывающих определенные заболевания» [2. С. 17]. Получается, что образ ящерицы у многих финно-угорских народов в этнической мифологии связан с низшим миром, с миром мертвых. Народы коми (коми-пермяки и коми-зыряне) этого представителя окружающего их живого мира наделили способностями навредить человеку, перевоплощаться в иных существ, существовать внутри другого человека. Ящерица, по представлениям коми-пермяка, представляет опасность как живая (предвестница несчастья), так и мертвая (из муки высушенной ящерицы делают различные зелья). Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что мифологические представления народа и верования, связанные с традиционной магией и колдовством, способствовали возникновению отрицательного образа ящерицы.

Обратимся к средствам языка, насколько в нем сохраняется данная культурно-обусловленная коннотация.

Лексема *дзёдзыв* ‘ящерица’ в коми-пермяцком языке является довольно коннотированной, она выступает в составе ряда устойчивых сравнений, а также входит в состав немногочисленных, но довольно употребительных фразеологических единиц. Попытаемся проанализировать их мотивационные особенности и выяснить, насколько разнообразно ассоциативное восприятие данной лексемы носителями языка. В данном месте, пожалуй, следует сделать оговорку. Функционально-семантические особенности лексемы *дзёдзыв* ‘ящерица’ зачастую проявляются в коми-пермяцких художественных текстах. Активней всех ее использует Семен Федосеев, встречается это слово и в текстах Василия Климова. Поэтому в этой части работы свои предположения и доводы мы чаще всего будем подтверждать отрывками из произведений названных авторов.

При воспроизведении слова *дзёдзыв* ‘ящерица’ возникает образ неуязвимого, изворотливого, хитрого и опасного человека. Пожалуй, в связи с употреблением этой лексемы присутствует гендерная привязка: все-таки чаще этим словом назовут женщину, чем мужчину. *Тэ Бёрис Писаыскёт, дзёдзывыскёт* (лит. *дзёдзылыскёт*), *эн кутчись, ся быдваё* (лит. *быдлаё*) *пырас и быдваись* (лит. *быдлаись*) *петас, некытчö оз йёрмы и некинё* (лит. *некинлё*) *оз шед* ‘Ты с Анфисой Борисовной, ящерицей, не связывайся, она в любое место проникнет и из любого места уйдет, нигде не застрянет, и никто ее не поймает’ (Зап. в 2007 г. от Лесникова С. И. 1930 г.р.; Кудымкарский район, д. Селёва). Контекст демонстрирует, что человека, называемого анализируемой лексемой, следует опасаться, что он обладает такими качествами, которые свойственны не каждому.

Коми-пермяцкие художественные тексты демонстрируют и иные мотивы. Приведем два контекста с данной лексемой. *Не дзёдзыв я ся асыма-аскодя, ветлётас кытёнкё не öтiк ой-лун, узьлас кинкёткё. Кинлөн жö бы эшö Пальникын сэтшöм иннес?* ‘Ну не ящерица ли она своеобразная, своеобразная, гуляет где-то не одни сутки, спит с кем попало. Есть ли еще в Пальнике такие жены?’ (С. Федосеев).

Следующий пример.

– *Кöть бы шондiсис ни стыдитчин быд лун юнытö!* Абу я тулыс ни локтiс!..

– *Гы-гы, былъ тай тулыс! – бригадир видзöтышитiс öшылань. – Дзёдзыв, тöдан жö мый...*

Ютöг эд гажтöм овнытö... Öни, дзёдзыв, ся юö, кöдалён горшыс косьмö, и ся оз ю, кöдалён абу, да кöдö озö юкталö. А менö отырыс юкталöны! ‘Хоть бы солнца уже постыдился каждый день быть пьяным! Ведь уже весна наступила! ...’. ‘Гы-гы, точно весна! – бригадир посмотрел в сторону окна. – Ящерица, ты хоть знаешь... Без выпивки ведь скучно жить... Сейчас, ящерица, тот пьет, кому пить хочется, и тот не пьет, кому нечего, да кого не поят. А меня люди угощают’ (С. Федосеев). В обоих контекстах (одного автора. – А.Л.) анализируемой лексемой называют женщину, однако, как видно из приведенных ситуаций, образы, возникающие с данным зоонимом, не идентичны. Во-первых, в первом контексте женщина не является участником речевой ситуации, а во втором – *дзёдзыв* ‘ящерица’ выступает в качестве вокатива. В первом варианте проявляется мотив негодования, брезгливости: мужчина удручен тем, что жена, непутевая, не боится мужа, позорит его, и что подобной в округе нет. Во втором – этим словом обращается муж к своей жене. Приведенная в качестве примера ситуация демонстрирует, как минимум, отсутствие всякого к ней уважения, но в ней практически отсутствует семантика неуязвимости, изворотливости. Получается, что в функции вокатива у лексемы *дзёдзыв* ‘ящерица’ утрачиваются ярко выраженные отрицательные коннотации, зато усиливается образность и эмоциональность речи.

Рассмотрим устойчивые сравнения с компонентом *дзёдзыв* ‘ящерица’, попытаемся выявить их коннотативные особенности. Как известно, на их основе у каждого народа вырабатываются свои стереотипы и символы. В образовании коми-пермяцких устойчивых сравнений участвует значительное количество грамматических средств, к ним относятся сравнительные послелого, частицы, союз *кыдз* ‘как’, грамматическая форма родительного падежа. Все они активно сочетаются с анализируемым зоонимом *дзёдзыв* ‘ящерица’. Устойчивыми сравнениями *дзёдзыв кодъ* ‘как ящерица’ (где *кодъ* послелог ‘подобный, похожий’) или *дзик дзёдзыв* ‘словно ящерица’ (где *дзик* частица ‘словно’) характеризуют шустрого, неуязвимого, а также быстрого в движениях и принимаемых решениях человека. Этим выражениям еще свойственен мотив молодости – в юном возрасте движения все-таки иные, чем в более солидном состоянии. То есть в этих сравнениях реализуется признак, качество: мотив неуязвимости пресмыкающегося, его способность быстро перемещаться с места на место, переноситься на человека. *Зонкаыс дзёдзыв кодъ: вöрö котрасьö, быдпырся вöрись яй вайö* ‘Сын словно ящерица: в лес бегаёт, всякий раз лесное мясо приносит’ (С. Федосеев). В зн. «Сын шустрый, ловкий, может до-

бывать мясо диких зверей». Следующий пример: *Нылён сэтчин нывкаок ётік эм. Боёк, дзик дзёдзыв* 'У них там есть девушка одна. Шустрая, как ящерица' (А. Ермаков). Гендерная привязка в приведенных примерах уже не реализуется, зато ярко проявляется мотив юности, молодости.

Сравнения с иными грамматическими средствами отражают способ протекания действия (как оно происходит), в них раскрываются такие качества ящерицы как умение быстро перемещаться, прятаться, цепко ухватываться за что-либо и т. д. К числу таких устойчивых сравнений относятся *кыз дзёдзыв* 'как ящерица' (где *кыз* союз 'как'), *дзёдзыв моз* 'словно ящерица' (где *моз* послелог 'подобно, схоже'). Остановимся на некоторых примерах: *Котёртіс Дроздовыс улицаёт, кыз дзёдзыв поти кузя* 'Дроздов бежал по улице, словно ящерица по жерди' (С. Федосеев) в зн. «Бежал уверенно, быстро». Действительно, ящерица, цепляясь за любую жердь, может довольно быстро по ней передвигаться во всех направлениях и при этом не падать. В следующих примерах отражается умение пресмыкающегося без проблем преодолевать преграды, пролезать в любые щели и т. д.: *А эта коста Аннаыс дзёдзыв моз кыссьё-мунё тиёк кёззэз коласёт, кошиё тиаккез да кывзисьё, мый висьтасьё сылё гора арся вёрыс* 'В это время Анна ящерицей (как ящерица) ползет-идет по густому ельнику, ищет грибы и прислушивается, что рассказывает ей звучный осенний лес' (С. Федосеев). Для героини ничто (как и ящерице) не может стать преградой в ее перемещениях по непроходимому лесу: в любое отверстие юркнула, пролезла, проползла. *Карта пытшикись петіс Тоня, дзёдзыв моз чувизнитіс воротаэз коласёт* 'Из хлева вышла Тоня, словно ящерица (в зн. «беспрепятственно, легко») прошла между воротами' (С. Федосеев).

Одним словом, устойчивые сравнительные обороты с компонентом *дзёдзыв* «ящерица» довольно разнообразны, и в зависимости от сравнительного грамматического средства оборот реализует то качества субъекта, то способы совершения действия субъектом. Их объединяет антропоморфность.

Свойства и качества ящерицы реализуются и в народной **фразеологии**. Наиболее употребительным является многозначный фразеологизм *дзёдзыв син* (досл. 'глаз ящерицы'). К сожалению, данное выражение нельзя перевести на русский язык так, чтобы появилось отыменное прилагательное по типу заячий (след), волчий (нюх), беличий (мех) и т. д., поэтому в приведенном фразеологизме и во всех других перевод будет не дословным, а смысловым. Чаще всего фразеологизмом *дзёдзыв син* характеризуют человека с высокой степенью самообладания, умеющего выдержать чей-то гневный взгляд, спокойно реагирующего на нравоучения и т. д. *Сувтётіс дзёдзыв синнэсё, немись оз пов* досл. 'Уставилась своими глазами ящерицы, ничего не боится'. Фразеологизм реализует мотив самоуверенности, возможно, наглости, отсутствие стыда. Это устойчивое выражение также может быть направлено в адрес человека с действительно черными глазами. Однако здесь есть один нюанс, который нуждается в комментарии. Согласно народной традиции, именно черноглазые люди чаще всего бывают «знающими» людьми, умеющими навести порчу, умеющими сглазить. Получается, что другая семантика фразеологизма *дзёдзыв син* (досл. 'глаз ящерицы') – «знающая»: *Эшй сьёд кань татчё локтён туйёс поперегаліс, и дзёдзыв сина соседкаё тыртём ведраззён пантасис... Проклённёйез!* – *ружтіс Егор Петрович* 'Еще черная кошка дорогу перебежала, и соседка-колдунья (досл. 'с глазами ящерицы') с пустыми ведрами навстречу попала... Проклятые!' – *стонал Егор Петрович*' (С. Федосеев).

Следующий контекст также подтверждает эту семантику. *Степаныс шутнёвтіс поныслё, сьёбёрын ыкёстіс да пондіс видны горзёмён сорён асьё и Аннасё, кёда дзёдзыв синнэзнас, кыз видзётас – эн и пет гортісь*. «Степан свистнул собаке, вскрикнул и со слезами на глазах стал ругать себя и Анну, которая своими глазами ящерицы как посмотрит – хоть из дома не выходи (в зн. «сглазит, накличет беду своим взглядом»)» (С. Федосеев).

Анализируемое устойчивое выражение может быть адресовано просто неприятному человеку и выступать в роли вокатива.

– *Быдённытё бы тальны, сэк пондїтё бы кывзисьны, эдё бы пондё пышшавны, дзёдзыв синнэз!*
– *Нывкаэз сьёрись туй шёрё кольччис комендант, павьяліс, эз тёд кёдёрё мунны*. Досл. 'Всех бы раздавить, тогда бы стали послушными, не стали бы сбежать, глаза ящерицы!' – *отстал от девушек комендант, метался посреди дороги, не знал, в какую сторону идти*' (С. Федосеев).

Иногда устойчивое выражение *дзёдзыв син* распространяется сравнительным послелогом, сравнительной частицей или употребляется в форме родительного падежа, тогда фраза к общему значению дополняется семантикой сравнения. Например: «*Морт, мыся, кулёма, морт*», – *юёртіс зонка, кёр ышки-пойки сувтчис зород бокё. Дзёдзыв кодь лэчыт синоккэзас тёдчис повзьём*. '«Человек, говорю, помер, человек», – проговорил мальчик, когда запыхавшийся остановился возле стога сена. В пронизывающих глазах как у ящерицы отражался страх' (В. Климов).

Тэ эн видчы, Давидка, ме вая. Вот адзылан, что ог вай, только тэ бора быдён одзын менё эн пур, ась дзёдзыв сина коддес менё оз сералё ‘Ты, Давидка, не ругайся, я принесу. Вот увидишь, принесу, только ты опять меня перед всеми не унижай, чтоб те, похожие на глаз ящерицы, надо мной не смеялись’ (С. Федосеев). Здесь автор хотел передать значение, что те, кто шустрее и смелее, впоследствии не смеялись над персонажем.

И все-таки глаза ящерицы остаются наиболее привлекающими к себе внимание объектом: *Кырнышов дзёдзыв синён гёгортъитис куш керку пытхксё, но нем эз казаяв, кёда понда бы хозяйкаыс пондис кеймисъны ‘Кырнышов (досл. ‘Ястребов’) глазом ящерицы осмотрел внутреннюю часть дома, но ничего не заметил, что бы понадобилось хозяйке’ (И. Канюков).*

Получается, что в народном мироощущении глаза ящерицы являются очень важным органом. Причем, они могут охарактеризовать как психосоматическое состояние человека, так и его способности к колдовству. Как в этом месте не подметить, что «зрение имеет решающее значение среди органов чувств пресмыкающихся» [10].

Отрицательную коннотацию имеет фразеологизм *дзёдзыв поз* досл. «гнездо ящериц». Семантически он очень близок к русскому выражению *змеиное гнездо*. Этим выражением коми-пермяки характеризуют опасное, враждебное место, а заодно и людей, находящихся там. *Дзёдзыв позаныс сякёй кульнас занимайтчёны, еретикуйтчёны, просъти, Господи! ‘В своем гнезде ящериц всякой чертовщиной занимаются, прости, Господи!’ (Зап. в 2012 г. от Хозяшевой А.И. в д. Селева Кудымкарского района). Интересные контексты в очередной раз встречаются в текстах С. Федосеева. Приведем некоторые из них. *Инькаыс вирснитис нырнас, кыдз лёсьотчис горзыны и горзан голосён пондис норасъны. – Попсё ни пё кутёмась да йёртёмась дзёдзыв позаныс. Ой, бытьтё пё врагён лыддёны, – пондис чышьянасъны и одзлань норасъны. – Кытшйём Игнатис враг?! – пернапасасис. – Ен эд сия мяян! Ангел батюшко, Кристосыслён зон! ... Чарётас эд еныс. Прости, господи! – бора пернапасасис енугёвлань. – Мый понда Игнатсё йёртисё дзёдзыв позаныс? Оз я ловья вывтёттяс кучиксё кульё бы? ‘Жена шмыгнула носом, словно собралась разрыдаться и плачущим голосом стала жаловаться: «Попа ведь, говорят, уже схватили и заперли в своем гнезде ящериц. Ой, говорят, будто врагом считают, – стала завязывать платок и дальше жаловаться. – Какой Игнат враг? – перекрестилась. – Это ведь наш бог! Ангел батюшко, сын Христа! ... Молнией ведь бог убьет. Прости, господи! Опять перекрестилась в сторону божницы. – За что Игната заперли в своем гнезде ящериц? Не хотят ли заживо снять с него кожу?»’ (С. Федосеев).**

Еще один контекст с данным выражением: *Разя дзёдзыв позтё, разя! – Андриянлён ёмсис быг петё, ружтё, но нем оз вермы керны ‘Разрушу твоё гнездо ящериц, разрушу! – У Андрея изо рта пена выходит, крихтит, но ничего не может сделать’ (С. Федосеев).*

Если в сознании коми-пермяка одна ящерица представляет опасность, то можно представить, как усиливается эта семантика в выражении «гнездо», ассоциирующееся с множеством этих пресмыкающихся.

В языке функционирует еще один фразеологизм с компонентом *дзёдзыв* «ящерица» – *дзёдзыв бёж* досл. ‘хвост ящерицы’. Им характеризуют женщину, не обремененную верностью и постоянством по отношению к своему мужу (другу). *Дзёдзыв бёжён сэтшйём женыскёйесё шуюны. Но, кёдна кокнит мывкыдаёсь ‘Таких женщин называют хвост ящерицы. Ну, те, кто легкого поведения’ (Зап. в 2006 г. от Лесникова С.И., 1930 г.р., Кудымкарский район, д. Селева). Мотив непостоянства, неверности, конечно, ассоциируется с физиологическими способностями ящерицы: длинный хвост может вилять то в одну сторону, то – в другую; а при опасности и вовсе отломиться.*

Кстати, коми-пермяки о девушке, запаздывающей с замужеством, могут сказать: *Бёжыт тай ёндз кокнит ‘Твой хвост, однако, до сих пор легкий’*. Получается, что «символом замужней женщины является тяжелый хвост. Муж, дети, ежедневные заботы о них и составляли тяжесть, которую женщина должна была нести. А если нет семьи, то и хвост легкий» [9. С. 241].

Способность этого пресмыкающегося выживать даже после отделения хвоста от тела позволила возникнуть еще ассоциации неувязимости, неуловимости. Вот как комментирует способность человека забывать про былые страхи Н.П. Златина, жительница д. Мысы Гайнского района, 1960 г.р.: *Кыдз дзёдзывлён бёжыс вились быдмё, сидз и морт быдёс умёльсё вунётё ‘Как у ящерицы хвост заново отрастает, так и человек все плохое забывает’*.

Во всех трех фразеологизмах – *дзёдзыв син* ‘глаз ящерицы’, *дзёдзыв поз* ‘гнездо ящериц’, *дзёдзыв бёж* ‘хвост ящерицы’ – анализируемая лексема выполняет функции слова-определения и

примыкает к определяемому слову; она не образует глагольных устойчивых выражений (сочетания с глаголами характерны только в контекстах со сравнительными оборотами, передающими способ протекания действия). То есть она, функционируя в устойчивых выражениях, довольно ограничена сочетаемостью с другими словами.

Таким образом, лингвистический материал, рассмотренный во второй части статьи, позволяет сформулировать ряд интересных выводов. Лексема *дзёдыв* 'ящерица', являясь высоко коннотированной и часто употребляясь в языке коми-пермяков в переносном смысле, представляет собой активное средство при образной характеристике человека. Чаще всего она ассоциируется с женщиной. Соматизмы *син* 'глаз' и *бёж* 'хвост' в составе устойчивых выражений с анализируемым словом способствуют выдвижению на первый план оценок, применимых к характеристике человека (чаще – физиологических и психосоматических, реже – внешних).

Полевые материалы и коми-пермяцкие художественные тексты демонстрируют высокую частотность употребления зооморфизма *дзёдыв* 'ящерица', а также устойчивых выражений *дзёдыв син* 'глаз ящерицы' и *дзёдыв бёж* 'хвост ящерицы' в качестве вокатива. Выражения при этом высоко экспрессивны. Они реализуют негодование, злость, которые адресованы непосредственно участнику речевой ситуации.

В рассмотренных лингвистических единицах *дзёдыв* 'ящерица' принимает мотивы, не всегда находящиеся в одной синонимической плоскости. Вернее, выделяется несколько образно мотивированных коннотаций.

Подводя итоги всему вышесказанному, констатируем, что образ ящерицы в культурной составляющей коми-пермяка является резко отрицательным, который несколько смягчается в лингвистическом материале.

Образы и мотивы, связанные с этим пресмыкающимся, в коми-пермяцкой лингвокультурологии слишком неоднозначны. Они охватывают широкий семантический диапазон. Одно можно утверждать с большой долей уверенности, что зооним *дзёдыв* 'ящерица' в общем и целом содержит отрицательную коннотацию. В коллективном сознании носителей коми-пермяцкого языка ящерица воспринимается как нечто опасное, предвещающее неприятности.

Общая смысловая загруженность зоометафоры – опасность, неуязвимость, живучесть.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XX – XXI веков. Материалы и исследования. Кудымкар, 2003.
2. Ильина И.В. Народная медицина коми в конце XIX – первой трети XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Ижевск, 1995.
3. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Стереотипное издание. Кудымкар, 2014.
4. Климов В.В. Лёнъыс оз ло. Роман да рассказззз. Кудымкар, 1987.
5. Климов В.В. Олан вужжез / Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар, 2007.
6. Коми-русский словарь / под ред. В.И. Лыткина. М., 1961.
7. Коми-пермяцкõй орфографическõй словарь / авторрез-составителлез Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. Кудымкар, 1992.
8. Краткий этимологический словарь коми языка / авторы-составители В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. М., 1970.
9. Лобанова А.С. Некоторые сведения об образе женщины в традиционной культуре коми-пермяков. Лингвокультурологический аспект // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. Материалы IV Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Пермь, 2016.
10. Мальцев Г.И. Народная медицина коми-пермяков конца XIX – начала XX века. Историко-этнографический аспект. Кудымкар, 2004.
11. Мифология народов мира. Коми мифология <http://www.a700.ru/animals/reptilia/61-yashcheritsa-komi-mifologiya.html> (дата обращения 25.04.2017).
12. Пармалон шыэз. Бõрйõм коми-пермяцкõй проза. Кудымкар, 1997.
13. Федосеев С.А. Сьõлõмõ туй. Повесттез. Кудымкар, 2004.

Поступила в редакцию 20.04.17

A.S. Lobanova

**THE LIZARD (DZODZIV) IN CULTURE AND IN THE LANGUAGE OF THE KOMI-PERM PEOPLE.
ONOMASIOLOGICAL AND SEMASIOLOGICAL ASPECTS**

The article is devoted to the Komi-Perm linguistics. Ethno connotations arising in the worldview of the Komi-Perm people related to the zoonym dzodziv 'lizard' are analyzed. Based on the functional-semantic research method, the stereotypes associated with the lizard are identified. The most frequent and interesting is the stereotype of danger.

The subject matter of analysis is folk omens and superstitions, sustainable comparisons and idioms, in which the named reptile is mentioned.

The article describes the methods of presentation of cultural information contributing to a negative image of the lizard – they are often associated with the mythological notions of people and beliefs.

Linguistic materials related to the lexical unit dzodziv 'the lizard', has allowed identifying several motivated connotations: witchcraft, the moral qualities of the subject and a dangerous place. Sustainable comparisons and phraseological units with the component transmit symbols of self-confidence and invulnerability.

The work demonstrates that in the minds of the Komi-Perm people dzodziv 'lizard' is associated with the feminine.

Keywords: Komi-Perm language, the cultural connotation, zoonym, motivation, ethno stereotype.

Лобанова Алевтина Степановна,
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
614000, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: lobanova@pspu.ru

Lobanova A.S.,
Candidate of Philology, Associate Professor
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614000
E-mail: lobanova@pspu.ru